

1.

Платон и проблемы платоноведения

Юрий Шичалин

Corpus Platonicum:

о некоторых направлениях его историко-филологического
и историко-философского исследования

В статье предполагается рассмотреть несколько вопросов, которые не находят ответа в рамках доминирующих подходов к пониманию текстов *Платоновского корпуса (Corpus Platonicum, далее — CP)*. Сама постановка этих вопросов и стремление их решить побуждают к целому ряду новых научных исследований, которые, на мой взгляд, позволят составить более правдоподобное по сравнению с доминирующим представлением об основных тенденциях платоновского творчества как в литературном, так и в философском плане. Некоторые черты предлагаемого подхода я и хотел бы изложить¹. Специально хочу обратить внимание на то, что практически все рассмотренные ниже вопросы по отдельности так или иначе ставились исследователями *CP*, но в их совокупности, насколько могу судить, не рассматривались, а потому

---

¹ Cp. Shichalin 2013: 15–32.

не предлагалось ни их комплексного решения, ни той модели, в рамках которой это решение могло бы быть найдено.

1.

На мой взгляд, прежде всего необходимо пересмотреть вопрос о т.н. «ранних сократических» диалогах. Повод для такого пересмотра очевиден: у нас нет никаких указаний на их ранний характер; я уже имел случай отметить, что этот вопрос тесно связан с необходимостью пересмотра вопроса о т.н. «сократиках»²: внимательное рассмотрение основных тенденций начала IV века показывает, что некоего, так сказать, философского движения сократиков, объединенных неким учением или некой школой Сократа, не было, хотя Сократ и становится одним из наиболее популярных литературных персонажей развивающейся прозы — как софистической, так и тех, кто — как Платон и Ксенофонт — противопоставлял себя софистам. Отсутствует и само имя «сократики». Поэтому Платон при жизни никогда не был «сократиком», а образ Платона-сократика, то есть автора «скептических» диалогов с участием Сократа, сформирован не ранее середины III века до Р.Х.: поводом для этого была необходимость дать обоснование скептицизма как доминирующей тенденции в Академии после Аркесилая.

Между тем, как хорошо известно, в *СР* и по сей день с большей или меньшей решительностью выделяется блок т.н. «сократических диалогов», причем принимается, что эти тексты стали составляться уже в 390-е годы. К этой группе диалогов относят, например, *Иона*, *Евтифрона*, *Критона*, то есть небольшие диалоги, имеющие прямую драматическую форму, что влечет за собой два последствия.

Во-первых, исследователи вынуждены закрывать глаза на жанровую природу этих текстов. В самом деле, если мы принимаем, что Платон начал свою литературную деятельность с такого рода

---

² Ср. Шичалин 2012: 76–78.

текстов, то какой смысл имеет его специальное внимание к вопросам формы, например, в *Теэтете*, где он специально оговаривает, что намерен отказаться от формы пересказанного диалога?

Мало того, признание началом платоновского творчества такого рода текстов также приводит к выстраиванию весьма искусственной эволюции литературного и философского творчества Платона с точки зрения содержательной и методической: Платон сначала пишет беспомощные с логической точки зрения и с легкостью опровергаемые и ни к чему не приводящие школярские диалоги, в большинстве своем бездарные с литературной точки зрения; а затем переходит к совершенным в литературном отношении, но не отмеченным признаками школьных упражнений *Пиру* и *Федону*. Но потом школярские диалоги вновь появляются в Академии, потому что в противном случае мы не можем объяснить, откуда взялась в кружке Платона эта стихия споров, которую застал в Академии Аристотель и которую он кодифицировал в *Топике* и *Софистических опровержениях* именно потому, что очевидным образом считал это вполне актуальным.

Поэтому предложение, которое я уже высказывал, состоит в том, чтобы продумать наиболее вероятную жанровую эволюцию платоновского творчества. Предлагаемая модель исходит из того, что Платон начал писать в наиболее разработанном к этому времени жанре, а именно, в жанре речи. В таком случае нельзя не согласиться, что перед нами по меньшей мере 12 речей (из *Апологии*, *Менексена*, *Федра* и *Пиры*)³, из которых 10 датируются самым концом 390-х – второй половиной 380-х.

2.

Но в связи с этой констатацией возникает следующий вопрос: поскольку за исключением *Апологии* все речи входят в некие диалоги, имеем ли мы право вычлнять речи из диалогов? В связи

---

³ К этим речам в собственном смысле слова, то есть к речам, которые заявлены как таковые, можно было бы добавить и фрагменты из *Горгия* и *Протагора*.

с этим вопросом теперь все больше обращают внимание на возможность переделок, доработок и редактирования⁴ тех текстов, которые дошли до нас в издании Трасилла первой половины I века по Р.Х.; я хотел бы указать диалоги, при рассмотрении которых это прежде всего важно: таковы *Менексен*, *Федр*, *Горгий*, *Протагор*, *Кратил*, *Теэтет* и *Парменид*⁵.

В 2010 году в *Les Belles Lettres* (Collection d'études anciennes 73) вышла вторым изданием книга Робера Клаво, посвященная *Менексену* и риторике его времени. Работа была завершена к 1976 году и издана в 1980, но сам факт ее переиздания показателен. Книга привлекает обстоятельной сводкой разных точек зрения на диалог. Отметив, что после статьи Х. Дильса 1886 года никто не дерзает отвергать принадлежность *Менексена* Платону, автор говорит о невероятных спорах, которые вызывает этот диалог, поскольку историки философии не знают, что с ним делать и как его толковать.

Причин для этого, на мой взгляд, две: во-первых, если Платон в это время пишет преимущественно школярские диалоги вро-

---

⁴ Исследователь, стремящийся хотя бы к элементарному историческому правдоподобию своих историко-литературных и историко-философских построений, не может не признать этой необходимости переработок и переделок. В связи с этим нельзя не отметить совершенно резонного замечания автора весьма важного просопографического труда *Plato's Peoples* Д. Нейлз, которое она делает, реконструируя ранний этап платоновского творчества: *There is abundant evidence of revision in several of the dialogues, an insuperable obstacle to definitive computer analysis of Plato's style, and thus to certainty about the order in which the dialogues were written, except for the very last ones* (*Companion* 2006: 6). Впрочем, как известно, и последовательность поздних диалогов также вызывает множество затруднений. Говоря в той же статье о ревизии *Государства*, Д. Нейлз ссылается на *Thesleff* 1982: 102–110, но, разумеется, тут нужно иметь в виду и всю сводку Теслеффа по вопросу о ревизии, предложенную на с. 83–87.

⁵ Я не касаюсь здесь вероятной переделки *Протагора* (ср. *Thesleff* 1982: 85–86) и вопроса о т.н. *Прото-Государстве*, а также о первой и второй-пятой книгах нашего текста *Государства*: это особый вопрос, который я наденюсь рассмотреть специально; покамест могу только сказать, что не отношу имеющийся текст *Государства* к переделанным диалогам, хотя это и не отменяет несомненности того факта, что Платон продумывал и писал его в течение долгого времени.

де *Иона* или *Евтифрона*, то в данном контексте *Менексен* просто неуместен, поскольку при всех его иронических и сатирических подтекстах представляет собой весьма развитую и насыщенную в содержательном плане политическую речь; во-вторых, неясно, как согласовать рамку и сам текст (это же, в частности, вызывало сомнения в аутентичности *Менексена*).

Как и повсюду в данном изложении, не предлагая решения, я хочу отметить, что в рамках модели, предполагающей доработки ранее написанных текстов, эти вопросы снимаются: *Менексена* следует интерпретировать как квази-политическую речь, написанную (разумеется, без рамки⁶) после квази-судебной речи *Апология Сократа*; рамка диалога добавлена позже, когда в Академии активно обсуждаются вопросы риторики. Такое понимание *Менексена* предложил Х. Теслефф, с которым не согласился автор на сей день лучшего комментария к *Менексену* Ст. Цициридис: предположение о ревизии отвергается *ohne weiteres*, ревизия объявляется трудной с практической точки зрения (?), а сам текст *Менексена*, по мнению Цициридиса, не несет никаких следов переработки⁷. Между тем обсуждение *Менексена* в контексте споров о риторике уже застал Аристотель, который цитирует *Менексена* в *Риторике* III 14; вероятно, к этому же этапу относятся и соответствующие пассажи из *Федра*, также несущие приметы технических подходов к риторике в Академии при Аристотеле.

В связи с *Федром* считаю важным еще раз обратить внимание на старую статью Отто Регенбогена, которую я подробно рассмотрел во вступительной статье к изданию *Федра* 1989 года. Наблюдения Регенбогена совершенно убедительны, и их результат можно считать научным фактом: наличие в *Федре* поздних частей не подлежит сомнению, но в силу невозможности вписать отмечен-

⁶ Исследователь, принимающий рамку, должен придумать для нее т.н. «драматическую дату», которая, по справедливому замечанию М. Нарси (DPhA 2012: 784), неопределима в силу множества анахронизмов (нельзя согласовать возможное время общения Сократа с Аспазией, его беседу с Менексеном и очевидную связь речи с Анталкидовым миром, заключенным в 386 году).

⁷ Thesleff 1982: 83 sqq., 182; Tsitsiridis 1998: 43–44.

ные Регенбогеном параллели *Федра* с поздними диалогами в общепринятую картину платоновского творчества современные исследователи оставляют их без должного внимания. Регенбоген не упоминается ни в статье о *Федре* в Va томе DPhA (2012), ни в комментарии к *Федру* в серии Cambridge Greek and Latin Classics (Yunis 2011), ни в A Companion to Plato 2006 (том издан в серии Blackwell Companions to Philosophy)...

Сплошь и рядом сам вопрос о наличии в *СР* переделок и доработок сегодня представляется излишним, в особенности тогда, когда речь идет, например, о таком тексте, как *Горгий*, на единстве которого так настаивал Доддс в своем знаменитом комментарии 1959 года. Между тем, нет ничего более композиционно рыхлого, чем текст *Горгия*, и ничего более искусственного, чем композиция, предложенная Доддсом, который вдобавок прибавлял к *Горгию* и *Менексена* в качестве приложения. Дошедший до нас *Горгий* представляет собой диалог в прямой драматической форме, но несет явные следы пересказанного диалога; ряд тем и утверждений о роли риторики связывает его с *Федром* и поздними диалогами (*Софистом*, *Политиком* и грезившимся Платону *Философом*⁸). *Горгий* — один из диалогов *СР*, несомненно подвергавшихся переработке и потому, может быть, более всего нуждающихся в пересмотре; но характер этого пересмотра требует специального рассмотрения, и потому в данном изложении ограничусь этой декларацией.

Протагор в дошедшем до нас виде несомненно содержит части, написанные на фоне *Государства* (четыре добродетели и проблема их единства), но исходно весьма близок к этапу составления речей (ср. «миф» *Протагора*)⁹.

Что касается *Кратила*, то здесь также весьма ярко проявилась

---

⁸ М. Канто-Спербер (Canto 1987: 22, п. 2), вспоминая Антисфена (frg. 173 Giannantoni), выразительно подчеркивает связь риторики и философии с образом жизни среди людей и среди богов, что прямо отсылает нас к позднейшим дискуссиям на эту тему в Академии.

⁹ Thesleff 1982: 128–129, 237 относит окончательный вариант *Протагора* к середине 370-х и считает, что диалог доработан не самим Платоном.

несомненная при историко-филологическом и историко-философском подходе неоднородность текста, которая заставляет говорить о редактировании и переделках. Именно неоднородность текста *Кратила* вызывала самые разные его датировки. На мой взгляд, весьма удачно подошел к разрешению этих трудностей Дэвид Сэдли, который учел разные версии рукописной традиции *CP* (в частности, 437d–438a, что отражено в новом издании Oxford Classical Texts – OCT²), оценил существующую версию текста как позднюю, указал на то, что противопоставление создателя имен и умеющего ими пользоваться диалектика появилось именно в этом «позднем» (после X книги *Государства*) варианте, а также отметил аристотелевский характер употребления термина αἰθήρ¹⁰. Опять-таки, не ставя своей задачей и не имея возможности входить здесь в специальное рассмотрение вопроса о нескольких редакциях *Кратила*, отмечу только необходимость не просто ставить вопрос о переделке этого диалога, но и обратить на него специальное внимание в общем контексте прочих диалогов, подвергавшихся переделке.

Среди них видное и важное место занимает *Теэтет*. Красно-речивая рамка диалога дает очевидные указания, можно сказать, самого Платона на то, что диалог переделывался. А именно, изображенный Платоном Евклид Мегарский, якобы записавший беседу Сократа с Теэтетом, во вводном разговоре с Терпсионом отмечает, что он на досуге неоднократно дополнял и исправлял текст, уточняя его с помощью того же Сократа во время своих посещений Афин. Это указание тем более замечательно, что в конце диалога Сократ сообщает, что его вызывают в Царский портик в связи

---

¹⁰ Sedley 2003: 7–10, etc. Люк Бриссон (DPhA 2012: 680) ссылается на эту работу Сэдли, но не делает из этого никаких выводов, а только отмечает, что диалог остается загадочным... Не могу по ходу дела не отметить также здравый подход Сэдли к «науке (or quasi-science) стилометрии», не способной своими методами самостоятельно обосновать порядок диалогов, а разве что подкрепить некие уже возникшие предположения (Sedley 2003: 7).

с обвинением Мелета, так что остается только гадать, когда именно он мог сообщить Евклиду свои дополнения и поправки¹¹.

Переработка и доработка *Парменида* с точки зрения разрабатываемой модели совершенно очевидна: перед нами два текста разной литературной формы и без очевидной связи между ними (что и вызывает споры о единстве и датировке диалога): первая часть — рамочный диалог, вторая — диалог в прямой драматической форме. Цель написания текста в процессе работы над ним менялась, либо цели при составлении первой и второй части были разными.

3.

В качестве еще одной важной черты предлагаемой модели следует считать принципиальную неоднородность текстов, входящих в *СР*, и необходимость выделения из них трех текстов: *Государство*, *Тимей* и *Законы*. А именно, важно осознать, что диалоги Платона *Государство*, *Тимей* и *Законы* занимают в *Корпусе* исключительное положение в качестве догматических, то есть в качестве таких, где Платон — несмотря на все ограничения принятой им литературной техники, а именно, диалога — вполне определенно высказывает свою точку зрения. О том, что у его ближайшего окружения в Академии не было сомнения в том, что у Платона эта определенная точка зрения есть, мы можем судить и действительно судим по Аристотелю. Взгляд Платона на разные вопросы мог меняться, но его существование в трех главных диалогах оставалось стабильным: и в *Государстве*, и в *Тимее*, и в *Законах* перед нами политический мыслитель, афинский аристократ, получивший хорошее образование и в силу этого способный рассматривать все вопросы, связанные с государством и законодательством на широком фоне исторических судеб греческих горо-

---

¹¹ Разумеется, при буквальном понимании платоновых рамок можно предположить, что Сократ поправлял текст Евклида, сидя в тюрьме; но в таком случае сильным возражением будет указание на то, что ни в платоновском *Федоне*, ни в ученическом *Критоне* на это нет никаких указаний.

дов и прежде всего Афин, причем все это накладывается на общую картину мироздания в целом. Та интеллектуальная и жизненная установка, которую Платон стал называть философией, сохранила все черты того, что называли философией в его время, то есть некий вид общего образования, но получила специфическую пифагорейскую окраску, сохраняемую в вопросах воспитания и государственного устройства, в отношении к физическому чувственному миру, а также к сверхчувственной основе того и другого.

4.

Что же касается прочих текстов *СР* помимо *Государства*, *Тимея* и *Законов*, то они распадаются на две группы: тексты самого Платона и тексты его школы, в создании которых Платон как глава школы мог так или иначе участвовать.

Тексты самого Платона в свою очередь можно разделить на несколько групп. Во-первых, тексты, написанные до организации открытых регулярных занятий в кружке Платона, — ими и оказываются преимущественно речи, которые постепенно оснащаются литературной рамкой. Наличие рамки позволяет понять, как меняется аудитория, для которой Платон создает свои тексты.

Тексты, не требующие рамки в момент их написания, — *Апология* и *Менексен*, а также, вероятно, и первые две речи из *Федра*. *Апология* — речь, написанная в ответ на *Обвинение Сократа* софиста Поликрата, — при создании не требовала рамки, потому что была написана в ходе литературной полемики, которая в Афинах оживилась к концу 90-х. Тем самым *Апология* входила в некое уже существующее поле текстов, имевших хождение среди связанного с софистами круга афинских интеллектуалов и их обеспеченных покровителей. Для этой же аудитории написан *Бузирис* Исократ и две его другие эпидиктические речи, *Против софистов* и *Елена*. Сходную аудиторию среди прочих имел в виду Аристофан, когда писал *Лягушек* и на присутствие той же самой аудитории рассчитывал, ставя в 392 году *Женщин в народном собрании*. Итак, ауди-

тория для *Апологии* уже была, но Платон при этом имел в виду и неких близких ему людей, для которых были значимы антидемократические установки Платона и черты Сократа-пифагорейца, несомненные в этом тексте.

В отличие от *Апологии*, *Менексен* мог быть написан только для определенного круга политических единомышленников Платона; при этом ясно, что эта политическая речь также не нуждалась в рамке в момент написания и публикации, то есть прочтения перед аудиторией скорее всего некоего политического клуба; но ситуация меняется, когда у Платона уже есть школа, далекая от политической ситуации, вызвавшей появление речи. Поэтому Платон или неведомый нам редактор, создавший рамку, позволяет нам представить ситуацию, в которой эта речь Платона вновь оказалась актуальной: в школе обсуждаются вопросы риторики, и они же задают контекст обсуждения уже написанных речей в *Федре*.

Сами речь Лисия и первая речь Сократа — в особенности, если усматривать в них полемический подтекст и, можно сказать, пародию на Антисфена и Исократ¹² — могли быть созданы для того же круга, что и *Апология*; но уже вторая речь Сократа предполагала единомышленников, на которых и была рассчитана.

Протагор и *Пир* показывают, что Платон уже учитывает развитие софистических школ и появление в них нового литературного жанра: диалога с участием Сократа, — мы определенно знаем о таких диалогах у Эхина и Антисфена. У Платона еще нет школы, но вокруг него собирается кружок близких ему людей, которые не принимают политических и — в связи с этим — воспитательных установок софистов. Поэтому в *Протагоре* и в *Пире* платоновский Сократ полемизирует с политическими оппонентами Платона на их территории; и в том, и в другом диалоге Платон подробно описывает своих оппонентов, в противовес которым его Сократ впервые предлагает некие установки, позволяющие объединить круг единомышленников Платона (в частности, — необходимость

---

¹² См. Шичалин 1989: XV–XXII.

жизненного выбора и устремленность к горнему бессмертной души, связанной со смертным телом и страстями). Как я уже сказал, я оставляю без рассмотрения *Горгия*, но в беседе Сократа с Калликлом, несомненно написанной в этот период, Платон сознательно рисует Сократа как единственного настоящего политика и педагога (521d6–e2).

Если принимать всерьез платоновские рамки как указания на аудиторию, то *Государство* как литературный текст начинается именно в этот период: перед нами еще нет школьной аудитории, но есть близкий Платону круг приличных и понимающих людей, хотя среди них и могут оказаться принципиальные оппоненты Платона и его персонажа Сократа. Как и *Протагор*, *Государство* пересказано самим Сократом, как и в *Пире*, собрание происходит в частном доме по случаю некоего праздника.

Но ситуация решительно меняется буквально у нас на глазах: *Федон*, написанный в пару к *Пиру*, отличается от него не только тем, что «где стол был яств, там гроб стоит»: в *Федоне* Платон впервые вводит нас в стихию школьных рассуждений на заданную тему, которая принципиально отличается от ситуации *Пира* уже потому, что беседа идет только между единомышленниками, Сократом и пифагорейцами Симмием и Кебетом; софисты Антисфен и Эсхин, с которыми Платон полемизирует в *Пире* и состязается в самом написании диалогов, в беседе не участвуют, хотя и упоминаются в числе присутствующих. Помимо этого, *Федон* можно считать первым диалогом, который целиком написан Платоном на фоне создаваемого *Государства* и тем самым открывает вторую группу диалогов, которые Платон пишет параллельно с *Государством* и *Тимеем*. После *Федона*, впервые изобразившего школьные рассуждения между своими и отразившего начало регулярных занятий в *Академии*, Платон меняет место действия в рамочных диалогах: перед нами палестра или гимнасий, в которых и ведется обсуждение тем, связанных с *Государством*. *Хармид*, *Лисид*, *Евтидем* — пересказанные диалоги, где Сократ ведет беседу с достойными юношами, которых стремится обратить

к философии. Беседы платоновского Сократа, будучи по существу и по своим основным установкам противопоставлены софистическим, выполняют между тем примерно ту же функцию, что и показательные выступления софистов: привлекают юношей к подлинной философии, представленной теперь в школе Платона.

Таким образом, Платон опять невольно оказывается на одной плоскости со своими оппонентами софистами, но теперь уже не только как литератор, но и как глава школы. Ярче всего это проявилось, разумеется, в *Евтидеме*, где Сократ, указывая на неудовлетворительность софистического эпидейксиса Евтидема и Дионисодора, прямо произносит протрепетическую, то есть побуждающую к философии речь. Но это пребывание на одном поле с софистами не проходит даром: члены платоновского кружка и сам Платон оказываются захвачены теми вопросами, которые непосредственно не связаны с областью основных интересов Платона, — речь идет о проблеме метода.

Обратим внимание на известнейшие рассуждения из *Федона*: здесь для Платона любое нечто оказывается таким или другим только в силу причастности к неким идеям; но это означает, что никакое выводное знание Платона не интересует. 12 получается не от сложения 5 и 7, а от причастности идее 12; большее оказывается большим не путем прибавления меньшего, а благодаря причастности большему, и пр. Но рядом с Платоном прежде всего мегарики разрабатывают лингвистические вопросы, проблемы определения и логические парадоксы, и Платон — как и его ученики — не могут не прислушиваться к ним. Проблема определения — основная в *Хармиде* и *Лисиде*, логические парадоксы — софизмы — собраны и рассмотрены в *Евтидеме*. Отметим, что Платон нигде не претендует на решение вопросов, связанных с проблемой метода, но это не мешает ему в *Государстве* описать этот метод, для которого он придумывает имя «диалектика». Диалектика должна уводить нас от сна геометрических рассуждений, основанных на принятии предпосылки и выводов из нее, и подвести к беспредпосылочному началу, то есть отказаться от рассу-
ж-

дений, построенных по принципу «если..., то...». Последней инстанцией правильного рассуждения оказывается непосредственное узрение высшей реальности, восходить к которой Платон учит начиная с *Пира*. Но при этом у Платона нет метода определения, и его все более затрудняет эта задача, что тем не менее нисколько не мешает ему изложить свои подходы к государству, описать его устройство, объяснить, что такое добродетель и сколько их, а также пересказать видение, непосредственно открывающее строение мира.

Нужно обязательно обращать внимание на то, что у Платона его содержательные построения идут по большей части независимо от их, так сказать, методической обеспеченности: без этого мы не поймем известную автономность двух видов деятельности Платона-сочинителя. А именно, методические вопросы, которые ставятся в школьных диалогах, никогда там не решаются; но еще раз подчеркнем: это не мешает Платону писать его догматические тексты. Чтобы понять, насколько свободно Платон относится к этой методической неопределенности, припомним текст из следующего за *Государством Тимея*: «Может быть, мы понапрасну говорим об умопостигаемой идее каждой вещи, и идея эта не более чем слово? Нехорошо было бы оставить такой вопрос неисследованным и нерешенным, ограничившись простым утверждением, что дело-де обстоит так и не иначе; с другой стороны, не стоит (πάρεργον) отягощать нашу и так пространную речь еще и пространном отступлением. Поэтому, если бы удалось в немногих словах определить многое, это было бы наилучшим выходом...»¹³. Методические вопросы — некое πάρεργον наряду с настоящим делом — изложением содержательных построений *Тимея*, и потому они между делом решаются в *Пармениде*, но, разумеется, не приводят ни к какому результату.

Между тем, стихия школьных рассуждений приобретает все более самодовлеющий характер и стремится к профессионализации, что и вызывает у Платона и в Академии появление диало-

¹³ Тимей 51c1–d2.

гов в прямой драматической форме: теперь для профессиональных спорщиков не нужны рамки, вводящие в ситуацию некой беседы, что в конце концов и приводят к прагматиям Аристотеля. Из ученических диалогов в прямой драматической форме назову *Гиппия Большого*, *Лахета*, *Иона*, а также *Клитофонта*, отразившего недовольство Академии отсутствием программы и метода обучения для тех, кто уже откликнулся на призыв Платона заниматься философией.

Рубежный диалог, как известно, *Теэтет*, где главная задача, стоящая перед Платоном, — проблема определения: именно в связи с ней возникают т.н. гносеологические вопросы. По характеру их разработки мы видим, что — как и в *Евтидеме* — Платон не сам их придумывает, а берет, так сказать, извне, а именно, у мегариков. Решать их Платону приходится в ходе полемики: Платон в *Теэтете* указывает на неких своих оппонентов внутри школы, а также на внешних оппонентов. Все это не может не сказаться на манере платоновского письма, и мы видим, что оно действительно меняется.

Вероятнее всего, именно на этот период приходится переработка (ревизия) предшествующих текстов (*Горгия*, *Федра*), а сюда же следует отнести диалоги, создававшиеся в несколько приемов (*Кратил*, *Теэтет*, *Парменид*). Платон начал писать *Теэтет* и *Парменид* как рамочные диалоги, но закончил их как диалоги в прямой драматической форме, что и отметил в *Теэтете*; и уже безо всяких оговорок он построил как прямой обмен репликами вторую часть *Парменида*. По ходу написания этих двух текстов, еще сохраняющих рамку, Платон пишет *Менона* и *Кратила* в прямой драматической форме, причем *Кратила* также перерабатывает уже не в формальном, а исключительно в содержательном плане.

Весь блок этих текстов и решаемые в них вопросы не мешают Платону писать *Тимея* — продолжение как замысла, так и основных установок *Государства*, написанию которого была посвящена большая часть предшествующего периода платоновского

творчества, отмеченного в своих основных проявлениях пифагорейским влиянием. В связи с *Тимеем* необходимо напомнить, что точка зрения о его написании до *Софиста*, *Политика*, *Филеба* разумно выдвигалась в известной статье Оуэна (Owen 1953), надевавшей в свое время много шума; ее редко вспоминают как некий положительный, причем важный результат, что я и хотел бы подчеркнуть, хотя и без намерения вернуться к этой полемике, поскольку в данном случае систематически рассматриваю формальные приметы платоновских диалогов как возможный критерий для их периодизации. *Тимей* — диалог в прямой драматической форме, следовательно, Платон начал его писать после рамки *Теэтета*. Вместе с тем собеседники Сократа в нем — пифагореец Тимей и дядя Платона, один из олигархов Критий, участник рамочного диалога *Хармид* — также указывают на несомненное продолжение предшествующего периода: появление этих персонажей после ведущих беседу Парменида и Элейского гостя, статистов Аристотеля и Сократа Младшего, и тем более после Евдокса и Аристотеля, загаданных в именах Филеба и Протарха, представляется просто немислимым анахронизмом, — разумеется, в рамках предлагаемого подхода.

По осознании невозможности завершить начатую трилогию *Тимей–Критий–Гермократ*, Платон задумывает вторую трилогию *Софист–Политик–Философ* и начинает работу над *Законами*. В связи с этим в Академии начинается сбор необходимых материалов для их написания¹⁴, и в *СР* находим ряд школьных диалогов, разрабатывающих отдельные темы *Законов* (например, *Критон*, *Евтифрон*, *Алкивиад I*, *Минос*).

5.

Один из выводов этого пространного четвертого пункта в сочетании с кратким третьим таков: необходимо отказаться от по-

¹⁴Нельзя не согласиться с замечанием Д. Нейлз: «...there is good reason to suppose that Plato's Academy was like other ancient institutions (e.g., Hippocrates' and Aristotle's schools, Hellenistic Pythagoreans) in undertaking collaborative writing projects» (Companion 2006: 11); к таким проектам Нейлз относит и *Законы*.

пытках линейного рассмотрения диалогов *Платоновского корпуса* для понимания эволюции как платоновского творчества в целом, так и для уяснения основных этапов развития его философских построений: более продуктивно рассматривать параллельное написание ряда как платоновских, так и школьных текстов *СР* на фоне трех названных догматических диалогов, а также продолжить исследование переделанных диалогов. Здесь же отметим, что стихия академических диспутиаций также должна входить в поле зрения исследователя как необходимый контекст, который необходимо воссоздавать, используя для этого все имеющиеся средства, поскольку без него не может быть понят текст диалогов, созданных после начала регулярной работы платоновской школы.

6.

Нельзя опираться на т.н. стилометрический метод или некие литературоведческие подходы как на автономные, то есть имеющие самостоятельное значение при рассмотрении платоновского творчества; их можно использовать только как некие дополнительные (служебные) методики, способные подкрепить или поставить под сомнение результаты, полученные другими методами.

7.

Одним из автономных методов научного (допускающего проверку) рассмотрения текстов *Платоновского корпуса* следует считать институциональный подход. Этот подход связывает писательскую технику и содержание текстов Платона с изменением аудитории, для которой Платон пишет, а начиная с *Федона* — с эволюцией созданной им школы.

Следует специально подчеркнуть, что все предлагаемые замечания имеют смысл только в рамках историко-филологического и историко-философского подходов к изучению оригинальных

текстов *Платоновского корпуса* и не касаются других способов их рассмотрения и анализа.

Я бы хотел привести в качестве примера вышедшую в прошлом году книгу проф. Кана *Платон и постсократический диалог: возвращение к философии природы* (Kahn 2013) и рассмотреть, что с точки зрения предлагаемой модели вызывает с ней решительное несогласие. Мне представляется, что об этом можно говорить, потому что проф. Кан — один из весьма искушенных и осмотрительных исследователей Платона, и он сам усматривает за своими построениями некую историческую достоверность. Книга 2013 года продолжает книгу 1998 года *Платон и сократический диалог*¹⁵, где проф. Кан уже проявил себя как умеренный «унитарист»¹⁶. Выступая против разделения платоновского творчества до *Государства* на два этапа (собственно сократический и более платоновский — наиболее прямолинейно этот подход представлен у Г. Властоса), проф. Кан отрицает исключительно сократический этап, не считает Сократа источником тех точек зрения, которые мы находим у Платона¹⁷, и рассматривает тексты от *Апологии* до *Государства* в более унитаристском духе. Но, несмотря на мелкие несовпадения, в целом проф. Кан размышляет о Платоне в духе вполне традиционной парадигмы, принимаемой сейчас большинством исследователей, в частности, признает обилие «ранних» диалогов и неуклонный путь Платона к эксплицитной теории идей. Проф. Кан выделяет следующие этапы развития платоновского философствования:

- 1) начальный (до-метафизический) этап (*Апология*, *Критон*,

---

¹⁵ Указанная автором (Kahn 2013: XI) дата первого переиздания книги, увидевшей свет в 1996 году. Часть этой книги (части 4–7 главы 6) в переводе на французский язык вошла в сборник *Lectures 2013*: 17–40.

¹⁶ Как замечает сам проф. Кан, Платон скорее похож на Декарта и Ницше, чья философская позиция по достижении зрелости оставалась неизменной, чем на Канта и Витгенштейна, философия которых претерпела кардинальные изменения (Kahn 1996: XIV).

¹⁷ Нельзя не отметить здравый подход проф. Кана к т.н. свидетельствам Аристотеля о Сократе (Kahn 2013: XVII, 87).

Горгий, Ион, Гиппий Меньший) — Платон верен моральной позиции Сократа, но им еще не развито ее метафизическое обоснование;

2) имплицитная теория сущностей в «диалогах определения» (*Лахет, Хармид, Евтифрон, Менон*; в этот же период были написаны *Протагор, Лисид, Евтидем*) служит основой этого метафизического обоснования;

3) эксплицитная теория форм в *Кратиле, Пире, Федоне, Государстве* и *Федре*.

В диалогах этого периода, согласно проф. Кану, налицо нарастание метафизики, но практически нет физической реальности. В *Федоне* теория идей возникает как раз в качестве альтернативы натурфилософии, и еще в *Пармениде* (130c) идеи огня или воды — серьезная проблема для Платона. Предположение автора в том и состоит, что начиная с *Парменида* Платон все больше проясняет возможность применения идей в области физики и биологии, в силу чего он возвращается на поле, возделанное его предшественниками — досократиками. Начиная с *Парменида* Платон готовит базу для объединения теории идей с натурфилософией (περί φύσεως ἱστορία). Анализ этого пути от *Парменида* к *Тимею* и посвящена книга 2013 года. И этот путь оказывается не только путем прочь от Сократа к досократикам, но и к новому понятию имманентной формы. Таким образом, ясно, что ни статьи Оуэна, ни поставленных в ней вопросов для проф. Кана не существует и привычный порядок диалогов лежит в основе их рассмотрения, так что все последующее изложение оказывается еще одной попыткой подогнать решение под готовый ответ. Дальнейшие рассуждения — не вывод из исследования, а некий априорный взгляд, исходящий из основных современных предрассудков, хотя и несколько меняющий акценты в пределах уже существующей парадигмы, причем проф. Кан специально оговаривает, что вопросом хронологии он не занимается, полагаясь на результаты стилистического (стилометрического) анализа Платоновского

корпуса, представленные, в частности, еще у Кемпбелла и Риттера.

Отказываясь от наивного взгляда на т.н. «ранние» диалоги как на едва ли не буквальное воспроизведение Платоном бесед исторического Сократа и разумно предполагая, что взгляды самого Сократа были чем-то неоформленным и плохо артикулированным, проф. Кан — как и прочие представители *communis opinionis* — во-первых, не задается вопросом, который вообще говоря должен вставать первым: откуда нам известно, что Платон начал писать т.н. сократические диалоги в 90-е годы и для кого он мог их писать? Во-вторых, справедливо обращая внимание на литературные достоинства платоновских текстов и стремясь придать литературной форме соответствующее значение при анализе платоновской философии, проф. Кан как будто не замечает, что Платон пишет в разных жанрах, а обращение к этим жанрам обусловлено разной аудиторией, для которой всякий раз предназначены его тексты. В-третьих, давно известные соображения о том, что в платоновский корпус входят не принадлежащие самому Платону тексты, также всерьез не занимает ни проф. Кана, ни прочих исследователей, выделяющих в корпусе т.н. «ранние сократические» диалоги. И в таком случае было бы последовательней согласиться с Г. Властосом и признать, что школа в собственном смысле слова была уже у Сократа, а Платон — один из ее учеников — отражает атмосферу дискуссий в этой школе; но проф. Кан этого не делает, причем с полным основанием, поскольку сам Платон настаивает, что Сократ никого никогда и ничему не учил; а без этого принимаемый проф. Каном круг «ранних» диалогов либо повисает в воздухе, либо предполагает участие Платона в жизни софистических кружков, против которых в конце 390-х с таким презрением писал Исократ, в *Бузирице* явно считавший Платона не софистом, а последователем Пифагора, каковым Платон действительно себя и проявляет начиная с *Апологии*...

Итак, априорное признание «ранними» ряда «сократических» диалогов, отсутствие понимания формальных особенностей тек-

стов Платоновского корпуса вместе с невниманием к той аудитории, для которой они создавались, — вот что прежде всего определяет взгляд большинства современных исследователей Платона, включая и проф. Кана. Эти недостатки проявились у проф. Кана и в линейном рассмотрении «постсократических» диалогов в книге 2013 года: каждый из этих диалогов, согласно проф. Кану, дает все больше оснований для «возвращения к досократикам», что, наконец, в полной мере и происходит в *Тимее*...

Хотя многие исследователи сегодня прекрасно понимают, что традиционная парадигма представляет собой нерerefлектированный анахронизм, поскольку Платон в ней сначала — современный школяр, а потом — все более самостоятельный исследователь, публикующий книгу за книгой; тем не менее, эта парадигма продолжает доминировать. Книга проф. Кана 2013 года — только один пример закрытости по отношению к подходам и точкам зрения, не вмещающимся в традиционную парадигму. Другой пример — часть статьи о Платоне Люка Бриссона, помещенной в *Va tome Dictionnaire des philosophes antiques*, вышедшего в 2012 году¹⁸. Но при всем том весьма отраднo признание Джеральда Пресса, согласно которому «вопросы редактирования и подлинности диалогов, поднятые Теслеффом, стоит, пожалуй, исследовать не только тем, кто пристально интересуется порядком их написания, но и тем, кто по-прежнему настроен на выявление в них неких платоновских учений...»¹⁹. Правда, если судить по очерку того же Дж. Пресса²⁰, число исследователей, осознавших это вместе с ним, не слишком увеличилось... Впрочем, серьезные научные вопросы никогда не решались большинством голосов.

Ниже в таблице дано сопоставление двух традиционных хронологических схем с моделью Теслеффа и моделью, предлагаемой в данной статье (учитывающей подход Теслеффа). Хроно-

---

¹⁸ DPhA 2012: 643–644.

¹⁹ Пресс 2013: 27.

²⁰ Пресс 2013: 48–15.

логическая схема Теслеффа²¹ воспроизводится в несколько упрощенном виде и без некоторых школьных диалогов; в последнем столбце я также указываю только основные диалоги, причем принцип их расположения проведен почти механически (например, школьный диалог *Клитофон* помещен раньше *Критона*, поскольку связан с *Теэтетом* темой неудовлетворенности предлагаемым характером занятий, а *Критон* и *Евтифрон* — хотя они также связаны с *Теэтетом* отнесенностью к последнему периоду жизни Сократа — помещены сразу после начала *Законов*, поскольку отражают проблематику *Законов*, — разумеется, это не значит, будто я хочу жестко привязать их к некоему данному году). Схема, предлагаемая в данной статье, — рабочая модель, предполагающая проверку, так что таблица указывает только на важнейшие тенденции²².

---

²¹ Thesleff 1982: 236–238.

²² Временная шкала в таблице в большинстве случаев только в самом общем виде соответствует времени предполагаемого написания диалога или группы диалогов (например, речь *Менексена* — вскоре после 386; *Пир* — после 385). В колонке Теслеффа по левому краю — экзотерические диалоги, по правому — эсотерические (школьные), причем курсивом выделены *dubia/spuria* согласно финскому исследователю, как и в колонке Шичалина курсивом выделены не принадлежащие Платону школьные диалоги. P.S. Хронологическая схема колонки Brisson 2012 практически без изменений воспроизведена и в Brisson 2014: 517–520.

	Thesleff 1982	Brisson (DPhA) 2012	Kahn 2013	Шичалин сент. 2014
395	(Прото-Государство)	Юношеский период Гиппий I и II, Ион, Лахет, Хармид, Протагор, Евтифрон	Группа 1 Пред-метафизический этап Апология, Критон, Горгий, Ион, Гиппий Большой	Речи Апология
390	(Государство I)			
385	Sicily I Горгий ¹ Менексен ¹ (Федр ¹) Протагор ¹ Пир ¹	Переходный период (390–385) Алкивиад, Горгий, Менон, Апология, Критон, Евтидем, Лисид, Менексен, Кратил	Неявная теория сущностей в диалогах определения Лахет, Хармид, Евтифрон, Менон; Протагор, Лисид, Евтидем	Речь из Менексена Первые две речи из Федра, речи из Пира Пересказанные диалоги, имеющие рамку Беседа с Калликлом из Горгия Протагор, Пир Начало работы над Государством
380	Государство I-II			
375	Горгий ² <i>Клитофонт</i> Менон Федон Пир ² Евтидем <i>Критон</i> <i>Протагор</i> ² <i>Менексен</i> ² <i>Лахет</i> Лисид, Хармид Теэтет ¹ Кратил	Зрелый период (385–370) Федон Пир Государство Федр Последние годы (370–348)	Явная теория форм Кратил, Пир, Федон	Федон Хармид, Лисид, Евтидем Парменид начат Теэтет начат Диалоги в прямой драматической форме Менон Кратил
370	Федр ²			
365	Теэтет ² Sicily II Законы начаты Государство в основном завершено Парменид	Теэтет Парменид Софист Политик	Группа 2 Государство, Федр, Парменид, Теэтет Группа 3 Софист, Политик,	Теэтет завершен Государство завершено <i>Клитофонт</i> Тимей, Критий Законы начаты <i>Критон, Евтифрон</i> Парменид завершен
360	Sicily III			
355	Тимей, Критий Софист, Политик Письмо VII	Тимей Критий Филеб	Филеб, Тимей	последняя редакция Менексена, Горгия и Федра, Софист, Политик, Филеб
350	Филеб			
345	Законы в основном завершены	Законы	Законы	Законы в основном завершены

Литература

- Платоновский сборник 2013 — Платоновский сборник / Ред. И.А. Протопопова и др., пер. А.В. Гараджа. Т. I. Москва — СПб: РГГУ–РХГА, 2013.
- Пресс 2013 — *Пресс Дж.* Постановка вопроса в платоноведении. Постановка вопроса в платоноведении: 15 лет спустя // Платоновский сборник 2013. С. 8–74.
- Тимей — Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. Ч. 1 / Под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1991. С. 457–541 (перевод С.С. Аверинцева).
- Шичалин 1989 — Платон. «Федр» / Перевод А.Н. Егунова; греч. текст, статья, комментарии, указатели Ю.А. Шичалина. М.: Гнозис, 1989.
- Шичалин 1991 — Шичалин Ю.А. Поздний Платон и Аристотель // МАН-ESIS. Из истории античной науки и философии. М.: 1991.
- Шичалин 2000 — Шичалин Ю.А. История античного платонизма, М., 2000.
- Шичалин 2012 — Шичалин Ю.А. Сократ-пифагореец — изобретение Платона? // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия, 2012. Вып. 3 (41). С. 76–86.
- Шичалин 2013 — Шичалин Ю.А. Заметки к Платоновым Апологии, Мексену и Пиру // Платоновский сборник 2013. С. 117–140.
- Brisson 2014 — *Écrits attribués à Platon* / Traduction et présentation par Luc Brisson. Paris: GF Flammarion, 2014.
- Canto 1987 — Platon. *Gorgias* / Traduction, introduction et notes par M. Canto, Paris: Flammarion, 1987.
- Clavaud 2010 — Clavaud R. *Le Ménexène* de Platon et la Rhétorique de son temps. Paris: Les Belles Lettres, 2010 (¹1980).
- Companion 2006 — A Companion to Plato / Edited by Hugh H. Benson. Singapore, 2006 (Blackwell companions to philosophy).
- Diels 1886 — Diels H. Über das dritte Buch der Aristotelischen *Rhetorik*. Berlin: 1887 (Philosophische und historische Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften. 1886, 4).
- Dodds 1959 — Plato. *Gorgias*. A revised text with introduction and commentary by E.R. Dodds. Oxford: Clarendon Press, 1959.

- DPhA 2012 – Dictionnaire des philosophes antiques publié sous la direction de R. Goulet. T. Va. Paris: 2012.
- Kahn 2013 – *Kahn, Charles H.* Plato and the Post-Socratic dialogues. The return to the philosophy of nature. Cambridge University Press, 2013.
- Kahn 1996 – *Kahn, Charles H.* Plato and the Socratic dialogues: The Philosophical Use of Literary Form. Cambridge University Press, 1996.
- Lectures 2013 – Lectures de Platon / Sous la direction de Monique Dixsaut, Anissa Castel-Bouchouchi, Gilles Kévorkian. Paris: Ellipses, 2013.
- Owen 1953 – *Owen G.E.L.* The Place of the *Timaeus* in Plato's Dialogues // The Classical Quarterly (New Series). 1953. Vol. 3 (1–2). P. 79–95.
- Regenbogen 1950 – *Regenbogen O.* Bemerkungen zur Deutung des Platonischen *Phaidros* // *Miscellanea Academica Berolinensia II.* Berlin 1950. S. 198–219 (Repr. in: *Kleine Schriften.* München: 1961, S. 248–269).
- Shichalin 2013 – *Shichalin Yu.* On the new approach to the chronology of the *Corpus Platonium* // *Hermathena: A Trinity College Dublin Review.* No. 189. Dublin: 2013. P. 15–32.
- Thesleff 1982 – *Thesleff H.* Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982 (Commentationes Humanarum Litterarum 70).
- Tsitsiridis 1998 – *Platons Menexenos / Einleitung, Text und Kommentar von Stavros Tsitsiridis.* Stuttgart und Leipzig, 1998.
- Sedley 2003 – *Sedley D.* Plato's *Cratylus*. Cambridge, 2003.
- Yunis 2011 – *Plato. Phaedrus / Edited by Harvey Yunis.* Cambridge, 2011 (Cambridge Greek and Latin Classics).